

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИЯ

ТУРЦИЯ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

© 1998

В.И. ДАНИЛОВ

Эта статья является продолжением исследования процесса демократических преобразований в Турции, начатого автором в его первой статье "Турция 20–30-х годов: путь к демократии" (Восток. 1997, № 2, с. 63–75). В ней речь шла о начальном этапе создания государственно-политической системы западного типа, преобразований в экономике и культуре, происшедших в этой стране под руководством Мустафы Кемалья и его соратников. В те годы в Турции были ликвидированы султанат и халифат, возникла секулярная парламентская республика. В условиях авторитарного однопартийного режима страна сделала первые шаги по созданию демократического правового государства.

После второй мировой войны Турция преодолела новый важный рубеж на этом пути – перешла к плюралистской политической системе. Однако опыт 50–70-х годов показал, что до овладения стандартами западной демократии ей еще было далеко. Многопартийная система, государственные и политические институты, действовавшие на базе заимствованных конституционных и законодательных норм, не могли обеспечить стабильного и эффективного управления страной. Периодически возникавшие острые системные кризисы трижды заканчивались военными переворотами.

Армейское руководство, выступавшее в роли защитника наследия К. Ататюрка, пыталось решить проблему, которая оказывалась непосильной для гражданских политиков: сохранить светское государство, обеспечить эффективное функционирование демократических институтов власти. Оно сосредоточило усилия на разработке надежной законодательной основы режима, стержнем которой было бы оптимальное соотношение между правами и обязанностями населения, между гражданскими свободами и необходимостью обеспечения общественного порядка. Казалось, их разумное соотношение было найдено в конституции 1982 г. Но 90-е годы проходят под знаком усугубления экономических и социальных проблем, обострения этнического вопроса (курдское движение), резко возросшего влияния ислама в политической жизни страны. И вновь вестернизированные государственно-политические институты с большим напряжением сил удерживают бразды правления.

Политическая модернизация ставит перед турецким обществом новые и новые задачи...

Кемалистские реформы 20–30-х годов обусловили значительные изменения в экономике Турции. Был взят курс на создание национального производственного комп-

лекса, развитие государственно-капиталистического уклада и на этой основе – обеспечение экономической самостоятельности страны. В конце 30-х – начале 40-х годов валовой национальной продукт увеличился почти в три раза, доля промышленности в нем резко возросла по сравнению с долей сельского хозяйства, особенно за счет развития металлургии, угольной, химической и некоторых других отраслей. Возникли энергетика и инфраструктура. Активизировалось частное национальное предпринимательство. Власть всячески стимулировала и развитие сельского хозяйства.

Бурное развитие экономики привело к заметным изменениям в социальной структуре турецкого общества. На одном ее полюсе формировался рабочий класс, на другом консолидировалась промышленная и сельская буржуазия. Более четко обозначились интересы городского и сельского мелкого предпринимательства. Дифференцированные социально-классовые интересы стали входить в большее противоречие с авторитарным однопартийным режимом, со своего рода патерналистской этатистской политикой Народно-республиканской партии (НРП). Эти интересы требовали и соответствующей политической дифференциации.

Однопартийный режим никогда не был принципиально детерминирован кемалистами, он был обусловлен текущими обстоятельствами, сосуществованием на определенном отрезке времени двух политических элит – османской и кемалистской. В таких условиях последняя не могла себе позволить многопартийности, т.к. это ставило под угрозу весь ее курс и планы. Со временем же османская элита рассеялась и монополия на власть одной партии стала все больше входить в противоречие с определенными кемалистскими принципами курсом вестернизации республики, в том числе построения демократической политической системы. После второй мировой войны уже можно было говорить о существовании единственной – кемалистской – политической элиты. Она уже могла ставить вопрос о ликвидации вышеуказанного противоречия, об освоении, пусть пока в ограниченных рамках, политического плюрализма постольку, поскольку таковой не будет угрожать сформировавшимся "общенациональным" устоям.

В то же время международная обстановка подталкивала турецкое руководство к этим переменам. Политическое и экономическое сближение с США и Западной Европой заставляло руководство НРП и ее правительство обратить критический взгляд на политическую систему Турции. США, соглашаясь оказать Турции в условиях политического давления на нее со стороны СССР моральную и материальную поддержку, выдвигали в качестве условия такой поддержки демократизацию ее политической системы. В целом можно сказать, что переход к многопартийной системе был задан смыслом кемалистских принципов, логически вытекал из развития предусмотренной ими политической системы. Внешние же факторы сыграли роль своего рода катализатора.

Инициативы в этом направлении проявились внутри самой НРП. В июне 1945 г. четыре депутата меджлиса – видные деятели НРП Джеляль Баяр, Аднан Мендерес, Фуат Кепрюлю и Рефик Коралтан обратились в парламентскую группу партии с письмом, где указывали, что необходимо установить реальный контроль парламента над правительством, обеспечить осуществление признанных конституцией свобод и прав человека и разрешить переход к многопартийной системе.

Тогда парламентская группа НРП отвергла эти предложения, но в руководстве партии усилилось стремление к пересмотру отношения к возможности создания других партий. Одновременно несколько влиятельных газет развернули кампанию за демократизацию общественно-политической жизни, создавая тем самым соответствующее настроение в общественном мнении.

В результате состоявшийся 10 мая 1946 г. II чрезвычайный съезд НРП по предложению переизбранного генеральным представителем партии Исмета Инёню одобрил ряд мер, направленных на расширение демократии, в том числе разрешение

на создание политических партий. Этим принципиально важным решением съезда по существу открывался путь к политическому плюрализму.

Во второй половине 1945 г. и в 1946 г. в республике возникли 15 политических партий. Как видим, процесс пошел гораздо раньше упомянутого решения съезда НРП. Начало было положено заявлением четырех деятелей НРП, поддержанным значительной частью общественности. Они развернули на страницах газеты "Ватан" резкую критику НРП, вышли из ее рядов и 7 января 1946 г. объявили о создании Демократической партии (ДП), единственной, которая смогла составить реальную оппозицию правящей НРП. В январе 1946 г. съезд ДП принял ее программу, в основу которой были положены все шесть главных конституционных принципов республики (они же – "шесть стрел" НРП). При этом в толковании двух из них – этатизма и лаицизма – ДП несколько отличалась от НРП. Этатизм рассматривался ею не столько как участие государства в экономической деятельности, сколько как всемерная поддержка частного предпринимательства в целях его быстрого развития. В толковании лаицизма упор делался на признание свободы религии, являющейся "священным правом граждан". Программа указывала, что государство должно не препятствовать свободной конкуренции, свободному формированию цен и прибылей, обеспечить принципы рыночной экономики. Программа декларировала приоритет в развитии сельского хозяйства и преимущественное направление в него иностранной помощи по плану Маршалла¹.

Можно констатировать, таким образом, что в факте создания партии и в ее программе отразились желание промышленной и торговой буржуазии добиться либерализации экономической политики и желание землевладельцев обеспечить преимущественное внимание сельскому хозяйству.

На этом этапе правящая элита страны сочла, таким образом, возможным и целесообразным предложить турецкому обществу альтернативу НРП – ДП. Избиратель получил возможность выбирать между курсами либо на государственное регулирование, либо на рыночную экономику, а также между различными интерпретациями лаицизма (атеизм либо некоторое допущение исламских ценностей).

Как мы увидим позже, эта альтернатива надолго вошла в политическую жизнь страны, хотя менялись партии, ее представлявшие. Таким образом, молодая турецкая демократия мало-помалу усваивала правила игры западных политических систем. Осуществлялся переход "демократии большинства" к плюралистической демократии, хотя рамки последней пока ограничивались реальным выбором из двух партий. На пропаганду этого выбора были направлены усилия самых мощных средств массовой информации, равно как и самых крупных источников финансирования. Возникшие в тот период другие партии, пытавшиеся выразить иные точки зрения или интересы иных социальных групп, не имея ни того, ни другого, не могли обрести социальную базу и реально повлиять на политическую борьбу.

Турецкая демократия, осваивая западные правила политической игры, сразу столкнулась с большими трудностями. Турецкому обществу в целом было еще очень далеко до западных стандартов общественно-политической институционализации гражданского общества – политической самоорганизации и дисциплины. Это обуславливалось отсутствием детально разработанной применительно к местным условиям законодательной базы демократии, с одной стороны, и подготовленных к ней законопослушных турецких граждан – с другой.

Шел активный процесс вестернизации политической системы, а это означало болезненное внедрение западных политических норм и институтов в остававшуюся достаточно традиционной местную почву. Как результат с самого начала перехода к политическому плюрализму борьба в его рамках между основными противниками по большей части проходила, что называется, "на грани фола".

Это проявилось уже во второй половине 40-х годов. Республиканцы (НРП), пойдя

на значительную демократизацию общественно-политической жизни, в то же время отнюдь не планировали расставание с властью. Не дав демократам (ДП) времени на консолидацию своих рядов, они в июле 1946 г. провели досрочные выборы в меджлис, сделал все, чтобы не допустить своего поражения. Тем не менее демократы получили 64 депутатских мандата и развернули кампанию против НРП, обвиняя ее в коррупции и фальсификации итогов выборов. В крупных городах демократы собирали на свои митинги огромные массы людей.

Открывая сессию меджлиса нового созыва, лидер НРП и президент республики И. Инёню призвал оппозицию к конструктивным действиям. Назначенный главой правительства НРП Реджеп Пекер предпочел более жесткий язык: он напомнил депутатам-демократам, что еще не отменены "суды независимости"². Обстановка накалялась. Дело осложнялось тем, что в конгрессе США при обсуждении вопроса о военной помощи Турции прозвучала резкая критика в адрес турецкого руководства по поводу отсутствия в стране политических свобод. Руководители НРП оказались между двух огней – критики извне (из США) и изнутри (со стороны ДП).

Когда обострение отношений между правящей и оппозиционной партиями поставило под угрозу дальнейшее существование новорожденной многопартийной системы, И. Инёню выступил с "заявлением 12 июля" (1947), в котором подчеркнул, что необходимо создать для действующей в рамках закона оппозиции такие же условия, как и для правящей партии, и что он, как глава государства, полагает себя равно ответственным по отношению к обеим партиям³. Таким образом, руководство НРП давало определенные гарантии создания нормальных условий для деятельности оппозиции. В новых условиях с нею нельзя было поступить так, как это сделали кемалисты в 1924 и 1930 гг., и это означало определенные качественно новые моменты в развитии демократической политической системы.

Такое послабление для оппозиции сказалось на результатах очередных парламентских выборов 14 мая 1950 г. На фоне всеобщего недовольства многолетним пребыванием у власти республиканцев и радостных ожиданий от "демократизации" ДП одержала полную победу, получив 408 мест в меджлисе против 69 у НРП.

Однако отмеченные выше трудности вращая западных демократических правил в почву восточного (в данном случае турецкого) общества продолжали сказываться. После победы на выборах образ мысли руководителей ДП, сформировавшийся в политической обстановке 20–30-х годов, был таков, что теперь якобы пришел черед их долгого-долгого и единоличного пребывания у власти. Мысль о том, что очередные парламентские выборы могут изменить ситуацию, представлялась им совершенно неприемлемой. Воспользовавшись лояльностью правившей НРП и разгромив ее на выборах, они полагали, что пора кончать с "деликатной демократией".

Но и для НРП мысль о ее долговременном отстранении от власти тоже казалась совершенно неприемлемой. Короткий период растерянности сменился новым приливом энергии. И. Инёню призвал партийные кадры максимально использовать все возможности для возвращения к власти. В центре и на местах выдвигались молодые кадры, с помощью которых НРП наращивала силу атак на "противника". Республиканцы умело использовали "четвертую власть". К концу 50-х годов тираж поддерживавших их периодических изданий составлял 1,5 млн. экземпляров, в то время как у ДП – всего 70 тыс.⁴ НРП эффективно использовала свои молодежные отделения для работы среди учащихся. Наконец, имеются основания предположить, что И. Инёню, опираясь на свое влияние паши (генерала) – в прошлом ближайшего сподвижника К. Ататюрка, пользовавшегося непререкаемым авторитетом в армии, тайно пытался использовать в своих целях обозначившееся к концу 50-х годов острое недовольство в офицерском корпусе руководством ДП и лично премьер-министром Аднаном Мендересом.

Однако чем больше активизировалась НРП в борьбе за власть, тем решительнее

становились меры правительства демократов против нее. Видя активность оппозиционной печати, власти в 1954, а затем в 1956–1957 гг. ввели жесткие ограничительные меры. Закрытие оппозиционных газет и журналов, обыски в редакциях, аресты журналистов стали повседневными явлениями. Местные органы власти, полиция и даже армия использовались для того, чтобы воспрепятствовать НРП вести предвыборные кампании. Демократы не хотели понимать и принимать демократические "правила игры", а конституция 1924 г. не препятствовала им в этом. Апофеозом схватки стало проведение демократами через парламент 18 апреля 1960 г. закона о создании "комиссии по расследованию противозаконной подрывной деятельности НРП и части прессы", которой были предоставлены практически неограниченные права. К концу 50-х гг. обе партии, по выражению турецкого публициста Ш.С. Айдемира, пришли как "два непримиримых, сражающихся друг против друга фронта"⁵.

Есть основания расценить эту ситуацию как первый в истории республики системный кризис. На фоне кризисных явлений в экономической и социальной сферах (они достаточно изучены в отечественной туркологической литературе) развернулась ожесточенная борьба за власть правящей и оппозиционной партий, переросшая к весне 1960 г. в острый политический кризис, который поставил под угрозу стабильность режима в целом. В апреле 1960 г. в крупных городах Турции начались массовые антиправительственные студенческие манифестации, частично вызванные возмущением действиями правительства ДП, а частично спровоцированные республиканцами. 27 мая 1960 г. произошел военный переворот – власть перешла в руки созданного группой младших и средних офицеров Комитета национального единства (КНЕ), в который были включены несколько генералов.

Дебют политического плюрализма в Турции оказался неудачным. Подстрекая офицеров к выступлению против своих политических противников, И. Инёню сильно рисковал. Группа молодых офицеров в составе КНЕ, фактически подготовившая и организовавшая переворот, была воодушевлена примером деятельности военных радикалов в некоторых арабских странах в 50-е годы. Она взяла курс на устранение от власти не только ДП, но и НРП и на проведение реформ во внутренней и внешней политике в условиях долговременного военного режима.

Это вызвало панику у правящей элиты Турции и ее главного покровителя – США. Совместными усилиями они добились устранения этой группы. Оставшиеся члены КНЕ, действуя в контакте с руководством НРП и под его влиянием, подготовили новую конституцию, которая отразила взгляды НРП и подвела новую базу под турецкую демократию.

Основные особенности принятой в 1961 г. новой конституции и ее отличия от предыдущей можно свести к следующему. Была подтверждена принадлежность суверенитета только нации, но осуществление его изымалось из неограниченного и бесконтрольного ведения Великого национального собрания Турции (ВНСТ) и распределялось между установленными основным законом органами. Ничем не гарантировавшееся прежде положение о том, что законы не могут противоречить конституции, теперь обеспечивалось созданием нового органа – конституционного суда.

Был воспринят важный принцип западного конституционного права – принцип разделения властей, позволяющий западным демократиям ограничивать государственную власть путем организации взаимного контроля между институтами, эту власть представляющими⁶. Конституция включила в себя детальную проработку формирования и деятельности законодательной, исполнительной и судебной властей. Более того, законодательная власть была поделена между двумя палатами ВНСТ, а исполнительная – между сохранившим представительный характер институтом президентства и ответственными перед главой государства премьер-министром и министрами, а также между центральными и местными органами. Особую важность

приобрело впервые зафиксированное признание и обеспечение независимости системы правосудия, которая призвана контролировать две другие ветви, имеющие политический характер.

Важным нововведением явилось создание условий для формирования общественных организаций. Конституция впервые признала, что политические партии являются "неотъемлемым фактором демократической политической жизни". Рабочие и предприниматели получили право на создание своих организаций.

Конституция 1961 г. резко расширила права и свободы граждан и предусмотрела их гарантии. В целом основной закон представил собой значительный скачок во внедрении норм западной демократии, в создании широких основ для построения плюралистического гражданского общества. Таким путем вдохновитель конституции – НРП и законодатель – Учредительное собрание (орган, созданный КНЕ для разработки проекта конституции) надеялись обеспечить стабильность всей турецкой политической системы, нормальную деятельность государственных институтов, конструктивное взаимодействие политических партий.

Что же показала проверка временем, опыт последующего десятилетия – 60-х годов? Многопартийная система страны на деле – по-прежнему оставалась двухпартийной, основными действующими "лицами", формировавшими правительство в этот период, были Народно-республиканская партия и Партия справедливости (ПС), созданная в 1961 г. и ставшая политической наследницей запрещенной после переворота ДП. В плане модернизации страны у ПС никаких разногласий с НРП не было. Программа первой определяла основную цель партии как "достижение турецкой нацией уровня западной цивилизации" и подчеркивала, что "партия считает демократический строй в западном смысле самым передовым и совершенным строем общества"⁷.

Главное различие между двумя партиями по-прежнему заключалось в различном отношении к этатизму и толкованию принципа лаицизма. В середине 60-х годов, однако, руководство НРП заявило, что партия намерена обрести "социал-демократическое лицо"⁸. Республиканцы стали делать упор на демократические свободы, социальные права трудящихся, на ограничение крупного капитала и т.п. В то же время ПС в плане демократизации выглядела более консервативной. Можно сказать, что в 60-е годы Турция приобрела характерный для западноевропейской модели демократии признак: неперемное наличие выбора для электората между двумя главными направлениями – социал-демократическим и консервативным. Турецкий избиратель имел перед собой главную дилемму: либо побольше политических свобод и поменьше либеральной экономики и рынка, либо, наоборот, поменьше политических свобод и побольше либеральной экономики. Две главные партии в условиях действия новой конституции не повторили печального опыта предыдущего десятилетия. Парламентские выборы и смены правительств проходили относительно спокойно. Действовавшие в этот период малые партии существенного влияния на политическую борьбу не оказывали и служили иногда "материалом" для формирования коалиционных кабинетов.

"Беда" для формирующейся турецкой демократии пришла, однако, с другой стороны. На базе демократической конституции произошел своего рода "взрыв" в развитии левого движения и левой печати. Получившие возможность для легальной деятельности турецкие левые с энтузиазмом стали "примерять" опыт мирового коммунистического движения и мелкобуржуазного социализма к турецкой действительности. В 1961 г. была создана Рабочая партия Турции (РПТ), что стало наиболее значительным явлением в левом движении 60-х годов. Программа РПТ отвергла путь "копирования модели развитых капиталистических стран" и заявила о необходимости перехода на некапиталистический путь развития⁹. Расширение политических свобод дало толчок развитию профсоюзного движения. Многие рабочие профсоюзы, осо-

бенно Конфедерация революционных рабочих профсоюзов (ДИСК), оказались под влиянием левой пропаганды сильно политизированными, что привело к массовым выступлениям рабочих и служащих против режима. Наконец, политическая либерализация поощрила анархистов и террористов, особенно среди молодежи. Политический экстремизм, вооруженные акции террористов приобрели в конце 60-х годов массовый характер.

Реально предоставленные конституцией невиданные ранее в Турции права и свободы реально же и использовались, опровергая утверждения, что эта конституция "содержит обычную буржуазную декларацию прав граждан без каких-либо гарантий"¹⁰. Более того, это использование перешло в злоупотребления, оборачиваясь анархией. Правящая элита пришла к осознанию того, что столь демократическая конституция оказалась преждевременной для турецкого общества с его уровнем правосознания, организации политического самоуправления, что необходимо внести коррективы в законодательную базу, чтобы обуздать политический экстремизм, направленный на разрушение режима. Однако созданное в 1965 г. однопартийное правительство ПС во главе с С. Демирелем оказалось не в состоянии это сделать, ибо перестало контролировать ситуацию в стране. Правящая партия едва сохраняла большинство в меджлисе. Изнутри ее силы ослаблялись расколом, а снаружи – оппозицией социал-демократов, которые даже перед лицом общей опасности не желали "поступить демократией".

В целом положение в стране на рубеже 60–70-х годов можно было расценить как второй системный кризис. Острый кризис политической системы, осложнившийся тем, что в офицерском корпусе возникли тайные группы, установившие связи с гражданскими деятелями на базе идей мелкобуржуазного социализма (и те, и другие считали необходимым в интересах страны ликвидировать вестернизированную политическую систему и установить военный режим), назрел одновременно с обострением экономических проблем и ростом социальной напряженности.

В роли спасителя демократии выступило армейское командование, совершившее 12 марта 1971 г. "мягкий" военный переворот. Последний преследовал две цели: предупредить совместное выступление военных и гражданских радикалов и обеспечить изменение законодательной базы турецкой демократии. Военная хунта изолировала "опасных" офицеров, отправила в отставку правительство С. Демиреля, создала надпартийный кабинет и заставила потерявший самостоятельность парламент принять большую серию поправок и дополнений к конституции 1961 г. Суть их сводилась к существенному ограничению прав и свобод, определенных конституцией 1961 г. Были расширены полномочия исполнительной власти, сокращен контроль судебных органов над нею. Ограничивалось самоуправление университетов, усиливался контроль государства над средствами массовой информации. Были введены более жесткие меры против участников массовых беспорядков, учреждены суды государственной безопасности для рассмотрения дел, "связанных с безопасностью государства и направленных против республики".

После парламентских выборов 1973 г. страна вернулась к "нормальному демократическому порядку". Однако опыт политической жизни в 70-е годы показал, что складывавшаяся теперь картина как бы повторяла в основных чертах ситуацию предыдущего десятилетия. Основными партнерами в политической борьбе оставались две партии – Народно-республиканская, которая, приняв в 1976 г. новую программу, окончательно определилась как социал-демократическая, и Партия справедливости.

Однако в отличие от 60-х годов на политической арене активно проявили себя еще две партии – Партия националистического движения (ПНД) и Партия национального спасения (ПНС). ПНД возникла в 60-е годы, ее принципиальными установками стали турецкий национализм и исламизм как "источники силы турецкой нации". Партия выступила за создание "нового государственного порядка" – президентской системы и

однопартийного межджиса на корпоративной основе, за усиление националистического воспитания молодежи и роли государства во всех сферах жизни. Лидер партии, полковник в отставке и один из организаторов переворота 27 мая – Альпарслан Тюркеш полагал, что сильная единоличная власть – путь лечения "больной" турецкой демократии и вывода нации из морального кризиса¹¹. ПНС была создана в 1972 г., она объявила своей целью "духовный и материальный подъем нации" путем сплочения вокруг исторических и моральных ценностей и отказа от "подражательства". Программа партии содержала требования ликвидировать "принудительное ограничение свободы совести" и отказаться от интерпретации лаицизма как атеизма. Лидер ПНС, инженер по образованию, профессор Неджметтин Эрбакан и другие руководители партии критиковали и НРП, и ПС за то, что они превратили Турцию в "слепое орудие Запада" и игнорируют развитие отношений с "братскими мусульманскими странами"¹².

Важно отметить, что обе эти партии приобрели в 70-е годы прочную социальную базу, поддержку не только рядовых избирателей, но и той части элиты, которая разочаровалась и в социал-демократах, и в правоцентристах. Таким образом, выбор для электората расширился с двух альтернатив до четырех. В результате в течение 70-х годов не было создано ни одного однопартийного правительства. Две главные партии – НРП и ПС – вынуждены были попеременно идти на различные политические комбинации и ухищрения для создания с участием ПНД и ПНС коалиционных кабинетов, которые, однако, раздирались внутренними противоречиями и оказывались не в состоянии эффективно управлять страной. На левом фланге многопартийной системы находилось несколько партий разных социалистических направлений, которые практически не имели влияния и больше походили на дискуссионные клубы.

К этому времени экономические достижения предшествовавших десятилетий и линия руководства страны на интеграцию с Западной Европой поставили в повестку дня вопрос о коренном изменении стратегии экономического развития. В начале 1980 г., в условиях нарастающих кризисных явлений в экономике, был определен курс на радикальное внедрение принципов рыночной экономики и свободной конкуренции, свертывание государственного экономического предпринимательства, ликвидацию ряда государственных монополий, резкое сокращение государственного контроля цен, перенос центра тяжести со стратегии импортзамещения на экспорториентирование, наконец, на постепенную денационализацию (приватизацию). Теоретической базой для обоснования новой экономической стратегии послужили получившие развитие в США и Западной Европе теории монетаризма и экономического либерализма. Однако претворение в жизнь этой стратегии сразу натолкнулось на трудности в виде упомянутой политической нестабильности и крайней неэффективности исполнительной власти.

На этом фоне огромную активность проявляли политические силы, действовавшие за рамками закона. К концу 70-х годов Турцию захлестнула вторая волна политического экстремизма. Если раньше в террористических организациях участвовали десятки человек, то теперь – тысячи. Социальную базу левого и правого экстремизма составили в основном учащаяся и рабочая молодежь, мелкобуржуазные элементы, маргиналы и люмпены, разуверившиеся в демократии и надеявшиеся решить свои проблемы силовыми методами. Основную массу экстремистов составляли леваки, особую известность получили такие организации, как "Революционный путь", "Союз марксистско-ленинской вооруженной пропаганды", непосредственно осуществлявшие террористические акты¹³. В умах леваков причудливо смешивались идеи марксизма, маоизма, установки албанских, вьетнамских коммунистов, латиноамериканских революционеров. Кое-где в провинции левые создавали "освобожденные районы", противопоставляя их центральной власти. В 1980 г. активизировалась молодежная

организация ПНС, что, как я полагаю, было следствием влияния революции 1978–1979 гг. в Иране. Организация отвергала "западную демократию" и "порочную западную культуру", выступала против режима и сотрудничала с левыми.

Среди правых экстремистов наибольшую активность проявляло "Общество националистической молодежи", которое формально было независимым, а фактически являлось ударной силой ПНД А. Тюркеша. К концу 70-х годов оно стало прямым орудием этой партии в борьбе за власть. В опубликованных позже в Турции судебных материалах по делу руководителей ПНД указывалось, что в стране было создано 569 отделений "Общества", организованы лагеря по подготовке боевиков-террористов, что вся эта деятельность финансировалась определенными кругами "промышленников, торговцев и других деловых людей"¹⁴. Добавлю, к концу 70-х годов в армии образовались группы офицеров, поддерживавшие идеи А. Тюркеша "по наведению порядка" и установившие связь с "Обществом". Было ясно, что ПНД вышла за рамки конституционной партийной деятельности и развертывала движение, нацеленное на совершение государственного переворота. Оно квалифицировалось в Турции как фашистское и вызывало ужас у определенной части правящей элиты.

В обстановке разгула политического экстремизма активизировались сепаратисты, как в Турции называют борцов за национальные права курдов. Был создан и стал активно действовать ряд курдских политических организаций, некоторые из них встали на путь политического террора. Этот фактор вносил существенный вклад в дестабилизацию обстановки в стране.

Итак, в конце 70-х годов в Турции назрел очередной, третий системный кризис. Думаю, что охарактеризовать его сущность лучше, чем это сделано в заявлении главы военной хунты, осуществившей очередной военный переворот, невозможно: "Политические, экономические и социальные проблемы разрослись до размеров, угрожающих государству и нации, и привели к невиданному в истории республики кризису. Десять лет назад невозможно было представить, что республика дойдет до такого состояния... Находившиеся за эти годы у власти правительства, сменяя друг друга, исчезали, оказываясь во власти примитивных партийных расчетов, химер и капризов, вместо того чтобы обеспечивать внутреннюю стабильность и решать назревшие вопросы..."¹⁵

Грянувший 12 сентября 1980 г. государственный переворот продемонстрировал желание военного руководства в очередной раз спасти "свихнувшуюся" турецкую демократию от гибели. Как и в 1971 г., он одновременно носил и превентивный характер: надо было предупредить и становившуюся реальной "фашистскую угрозу", и опасную для режима активизацию "коммунистических сил".

Хунта в составе начальника генштаба армейского генерала Кенана Эврена и командующих видами вооруженных сил (именовавшаяся Советом национальной безопасности – СНБ) распустила парламент, запретила все политические партии и приняла решение о подготовке новой конституции. Стало очевидным, что конституция 1961 г., даже с внесенным в нее после 1971 г. изменениями, не может обеспечить устойчивости демократических государственно-политических институтов и, следовательно, не соответствует реальным условиям страны.

Новая конституция, принятая в результате всенародного референдума в 1982 г.¹⁶, была нацелена на то, чтобы предотвратить возникновение ситуаций, которые могли бы угрожать самому существованию режима. Приступая к ее подготовке, хунта заявила, что цель совершенного ею переворота состоит "не в возврате к прежней демократии, а в создании нового, здорового и прочного демократического порядка". Главным способом обеспечения такого было сочтено серьезное изменение соотношения между свободами и властью (порядком) в сторону усиления последней, ибо генералы были уверены, что причиной кризиса 1980 г. стала неспособность госу-

дарства противостоять превращению свободы во вседозволенность, когда есть права, но отсутствует адекватная им ответственность.

Новая конституция резко повысила авторитет государства, усилила исполнительную власть по сравнению с законодательной и судебной. Законодатель пошел по пути особого увеличения полномочий президента, усилив, правда, и другие звенья исполнительной власти. Но все же в целях обеспечения устойчивости режима предпочтение было отдано надпартийному президенту перед партийными правительствами. В частности, для предотвращения тупиковых ситуаций в межجلسе президент получил право назначать новые парламентские выборы. Был упразднен сенат, междис, как и до 1961 г., стал однопалатным. Такая "рационализация парламентаризма" имела целью упростить процедуру управления страной и тем самым избежать возможной дестабилизации режима. Этими же соображениями был продиктован ряд мер, облегчающих прохождение в парламент представителей двух-трех крупных партий и затрудняющих это для кандидатов от малых партий.

Авторы конституции 1982 г. пожертвовали политической активностью масс (демократией участия) и плюрализмом ради политической стабильности и для расширения полномочий истеблишмента, тогда как в конституции 1961 г. преобладал противоположный принцип. Роль избирателей сводилась к проявлению "национальной воли" на выборах, после которых управление страной должны были осуществлять избранные ими лица. Участие же народа в периоды между выборами в отработке политических решений (в частности, через общественные организации) признавалось нежелательным¹⁷. Право заниматься политикой сохранилось только за политическими партиями, но не за профсоюзами и общественными организациями¹⁸. Запрещались забастовки с политическими целями, забастовки солидарности, всеобщие забастовки. Положение конституции о продлении срока полномочий междиса одного созыва с четырех до пяти лет преследовало ту же цель – деполитизацию электората, уменьшение накала политических страстей в обществе.

В ноябре 1983 г. хунта разрешила провести парламентские выборы. После трех лет военного режима, полного запрета общественно-политической деятельности, ликвидации прежней законодательной базы демократия в Турции начиналась как бы "с чистого листа". Процесс создания новых политических партий и общественных организаций на базе конституции 1982 г. проходил под строжайшим контролем СНБ¹⁹. Однако после передачи власти гражданским политикам в 1983 г. контроль военных, закрепленный временными статьями конституции, постепенно ослабевал.

К 1986 г. в основном завершилось создание новой многопартийной системы и можно было сделать определенные выводы о функционировании политической системы в Турции за период, прошедший после переворота. В частности, оказалось, что сложившиеся в 70-е годы четыре основных политических направления оказались достаточно стойкими и проявили себя в новых партиях. Оба главных направления – социал-демократическое и консервативное (правоцентристское) – оказались представлены двумя партиями: первое – Социал-демократической народнической партией (СДНП) и Демократической левой партией (ДЛП), второе – Партией отечества (ПО) и Партией верного пути (ПВП). Националисты доминировали в Консервативной партии, которая в конце концов вернула себе прежнее название – Партия националистического движения (ПНД). Происламское направление проявило себя в партии Рефах.

Практика показала также, что положения новой конституции, направленные на стабилизацию системы, некоторое время себя оправдывали, и эта система по сравнению с предшествовавшими функционировала более устойчиво. Основная цель – стабилизация демократии благодаря военным была, таким образом, достигнута. Однако мало-помалу стали проявлять себя и дестабилизирующие факторы. Подтверждением тому служит хотя бы то, что после 1983 г. ни одни парламентские выборы не

состоялись в предусмотренные конституцией сроки. Все они проводились досрочно, и причиной были те же "примитивные партийные расчеты, химеры и капризы".

Постепенно стал возрастать и накал межпартийной борьбы, оттесняя на задний план "интересы нации и государства". На рубеже 80–90-х годов обострилась борьба за власть между правившей с 1983 г. ПО и ее соперницей – ПВП, что понемногу расшатывало устои законодательной базы турецкой политической системы. По результатам проведенных в 1991 г. досрочных парламентских выборов в межجلسе впервые после 1983 г. оказались представлены более трех партий: ПВП, ПО, СДНП, Рефах, ДЛП. В этих условиях был сформирован коалиционный кабинет в составе министров – членов ПВП и СДНП, возглавил правительство лидер ПВП С. Демирель.

Деятельность этой коалиции разворачивалась в обстановке противоречий, постоянно нараставших на двух направлениях – экономической либерализации и политической демократизации. Первый узел противоречий носил социально-экономический характер. Курс на либерализацию экономики, привлечение иностранного капитала, приватизацию государственных предприятий был определен предшественницей ПВП у власти – ПО еще в начале 80-х гг. Реально претворяться в жизнь он начал в середине 80-х под мощным давлением МБРР и МВФ. Тогда же с участием крупных банков США были разработаны проекты приватизации государственного имущества. В 1986 г. был принят закон о приватизации, в частную собственность стали передаваться некоторые предприятия госсектора.

Коалиционное правительство С. Демиреля заявило, что намерено продолжать этот курс, но практически мало что для этого сделало. С приходом на пост премьер-министра Тансу Чиллер (в связи с избранием С. Демиреля президентом страны в мае 1993 г.) заявила о намерении придать процессу приватизации самый интенсивный характер. Был в частности внесен проект приватизации государственной организации ПТП (почта, телеграф, телефон), но конституционный суд наложил на него вето. Планы Т. Чиллер относительно массовой приватизации натолкнулись в правительстве на решительное сопротивление СДНП, которая потребовала исключить в этом деле всякую спешку и тщательно изучить социальные аспекты проблемы. На страницах турецкой печати высказывалось отрицательное отношение к попыткам ограничения экономической и социальной роли государства²⁰. Второй узел противоречий имел политический характер. Одним из условий соглашения о коалиции со стороны СДНП было обеспечение демократизации с соответствующими изменениями в законах. В этих целях по инициативе СДНП была создана совместная комиссия по демократизации, подготовившая пакет предложений. Однако ПВП всячески тормозила реализацию этих предложений, которые в большинстве своем остались на бумаге.

Одновременно внутри СДНП нарастал протест против коалиции с правыми. В связи с этим начиная с 1991 г. из рядов СДНП вышли несколько больших групп членов партии. В 1992 г. они создали Народно-республиканскую партию, подчеркивая этим преемственность по отношению к НРП Кемаля Ататюрка. При этом было заявлено, что новая НРП – синтез прошлого национально-освободительного движения и будущей социал-демократии, которая видит свою цель в "превращении конституции республики из перечня запретов в документ о свободах"²¹.

Углубившийся раскол в социал-демократическом движении заставил руководителей обеих партий искать пути к объединению. В феврале 1995 г. состоялся объединительный съезд СДНП и НРП, новая партия стала называться Народно-республиканской, избранный ее генеральным председателем видный социал-демократ Дениз Байкал заявил, что не приемлет условия правительственной комиссии, и выдвинул требования, с которыми Т. Чиллер согласиться не могла. В результате с сентября 1995 г. коалиция ПВП – НРП (СДНП) распалась. Т. Чиллер предпринимала лихорадочные усилия, чтобы сохранить пост премьер-министра. А тем временем ординарный прави-

тельственный кризис на фоне очередной волны экономических затруднений перерос в острый социально-политический кризис.

В результате стабилизации политической обстановки после военного переворота 1980 г. создались условия для реализации рыночной стратегии экономического развития. На этом пути были одержаны определенные успехи. После кризиса конца 70-х годов был восстановлен прирост ВВП, в 80-е годы он составлял 4–6% годовых, особенно возросли темпы роста промышленного производства. В результате доля промышленности в ВВП впервые превысила долю сельского хозяйства. Резко возросла доля промышленности в экспорте, который увеличился благодаря росту конкурентоспособности турецких товаров. Было ограничено государственное регулирование цен, велась подготовка к решению проблемы конвертируемости турецкой лиры.

Однако в конце 80-х гг. вновь обострились хронические проблемы Турции – инфляция, безработица, внешняя задолженность. Макроэкономические показатели, демонстрировавшие в 80-е годы экономические достижения Турции, в 90-е годы об этом уже не свидетельствовали. К примеру, инфляция в 1994 г. составила 149,6% против 60,3% в 1993 г. (при среднегодовых темпах роста в 1991–1995 гг. 85,5%). Количество частично и полностью безработных держалось на уровне 14–16% самостоятельного населения. Цены на потребительские товары в 1994 г. выросли на 125%, в то время как зарплата "бюджетников" была увеличена всего на 30%. Внешний долг Турции на середину 1995 г. составил 73,8 млрд долл. против 65,6 млрд долл. в 1994 г. и 21,3 млрд долл. в 1984 г. Турция, удовлетворяя требования МБРР и МВФ, аккуратно рассчитывается по внешним долгам, в то время как зарплата рабочих и госслужащих практически не повышается²². Турецкий публицист М. Барлас писал в 1994 г.: "Если в 1991 г. в Турции начался застой, то теперь он перерос в кризис"²³.

Весной 1994 г. Т. Чиллер выступила инициатором "пакета мер по экономической стабилизации", который вызвал возмущение в обществе. Газеты писали, что эта "стабилизация" направлена против рабочего, служащего, крестьянина, пенсионера, ибо предусматривает резкое повышение цен, замораживание зарплат, увольнение десятков тысяч рабочих госсектора в связи с планами приватизации²⁴.

Естественно, трудящееся население реагировало на такого рода политику соответствующим образом. В октябре 1995 г., когда Т. Чиллер предприняла попытку сформировать однопартийное правительство ПВП, вспыхнула забастовка рабочих предприятий госсектора, которая приобрела всеобщий характер. В день голосования в междискусии по вопросу доверия этому правительству (вотума доверия оно не получило) бастующие рабочие вплотную подошли к зданию меджлиса, скандируя: "Правительство Чиллер – в отставку!" Забастовка охватила сотни тысяч рабочих. Полиции было приказано не пропускать в Анкару автобусы с бастующими рабочими из других районов. В воинских частях объявили боевую готовность. Одновременно состоялись массовые митинги госслужащих в ряде крупных городов под лозунгами: "Долой МВФ!", "Да здравствует независимая Турция!", "Правительство – в отставку, Тансу – в Америку!"²⁵.

Политические лидеры, памятуя, что подобные ситуации в Турции чреваты военными вмешательствами, поняли, что надо срочно "спасти положение". Т. Чиллер и Д. Байкал быстро договорились о создании на короткий период предвыборного коалиционного правительства, которое и было утверждено меджлисом в начале ноября 1995 г. Одновременно меджлис принял закон о досрочных (опять! – В.Д.) парламентских выборах, которые и состоялись 24 декабря 1995 г. В результате партия Рефах получила 21,1% голосов и 158 мест в парламенте, ПО – соответственно 19,7% и 138, ПВП – 19,4% и 132, ДЛП – 14,5% и 75, НРП – 10,5% и 50. Самой большой неожиданностью стал ошеломляющий успех происламской партии – невиданное явление во всей истории республики. Это можно квалифицировать как своего рода отло-

женную реакцию остающегося исламским турецкого общества на десятилетиями проводившуюся наиболее радикальными реформаторами тотальную вестернизацию, сопровождавшуюся ломкой традиционных духовных ценностей и норм. Разумеется, свою роль сыграло и недовольство социально-экономической политикой правительства правоцентристов и социал-демократов.

Парламентские выборы означали переход к принципиально новой расстановке политических сил. Западноевропейская модель выбора для электората сменилась оригинальной турецкой. В 70–90-е годы борьба за голоса избирателей шла в основном между двумя политическими полюсами – правоцентристским и социал-демократическим. Оба полюса, при наличии между ними существенных разногласий по внутренним вопросам, сохраняют четко выраженный прозападный характер, выступая за интеграцию с Западом по всем линиям. После выборов размежевание прошло в иной плоскости, образовались два новых полюса. На одном из них сосредоточились все прозападные силы – и правоцентристы, и социал-демократы, а на другом – Рефах, выступавшая за интеграцию с исламским миром.

Разумеется, такое положение привело к консолидации всего мощного в Турции мондиалистского прозападного лобби, всех "атлантистов" перед лицом общей "опасности". Они проявили намерение "костьми лечь", но не допустить прихода к власти лидера Рефах Н. Эрбакана. В результате правительственный кризис длился до марта 1996 г., когда лидеры ПО и ПВП М. Йылмаз и Т. Чиллер договорились наконец о создании коалиционного кабинета. Однако последний оказался недолговечным. Между обоими лидерами продолжалось острое соперничество. Главный удар коалиции нанесли итоги состоявшихся в июне 1996 г. промежуточных выборов в местные органы власти: на них победила партия Рефах, набравшая 36% голосов.

В июне же состоялось соглашение Н. Эрбакана с Т. Чиллер о коалиции на основе попеременного руководства правительством: на первые два года премьером стал Н. Эрбакан, а Т. Чиллер заняла посты заместителя премьер-министра и министра иностранных дел. Вероятно, боясь затяжки политического кризиса в условиях социально-экономической нестабильности в стране заставила западников пойти на компромисс с исламистами, избрав "наименьшее зло".

Политические обозреватели в Турции отмечали, что фактически в стране стали функционировать как бы два правительства, наиболее острые разногласия между ними возникли по вопросам внешней политики. Прозападные силы, естественно, намерены сделать все, чтобы не допустить дальнейшего усиления традиционалистов в стране. Став премьером, Н. Эрбакан прекратил в прошлом обычные для него резкие выпады в адрес "американского империализма и сионизма" и их "агентов влияния в Турции", но тем не менее деятельность его началась в обстановке обструкции, диффамации и дезинформации со стороны прозападных кругов. В такой обстановке стали появляться сообщения, свидетельствующие о беспокойстве в армии по поводу обстановки в стране. По этому поводу в турецкой печати отмечалось, что слухи о возможном военном вмешательстве инспирируются в кругах высоких бюрократов, крупного бизнеса и в Чанкая (президентский дворец. – В.Д.).

В обстановке нарастающего давления Н. Эрбакан в июне 1997 г. решил сократить срок ротации на посту премьер-министра до одного года и передать этот пост, в соответствии с договоренностью, Т. Чиллер. 18 июня он заявил о сложении с себя полномочий премьер-министра и передаче их Т. Чиллер, но президент поручил формирование правительства не Т. Чиллер, а лидеру правоцентристской Партии отечества М. Йылмазу, который и стал премьером нового правительства.

Как бы то ни было, вторая половина 90-х гг. характерна для Турции весьма неустойчивым балансом сил. Пока нет оснований говорить об очередном системном кризисе. Но отдельные элементы его налицо. Выше говорилось о серьезном обострении экономических проблем и высокой степени социальной напряженности, не-

довольстве трудящихся. С 1995 г. и политический кризис фаткически стал перманентным. Обстановка чревата очередной вспышкой преступности и политического насилия. Турецкий публицист Исмаил Джем пишет, что ежегодно сотни тысяч мигрантов-маргиналов устремляются в Стамбул и набиваются как сельди в бочку в опоясывающие город трущобы. Эти люди превращаются в социальный динамит, готовый в любой момент взорваться²⁶. Подавленные военными властями в 1980 г. левозастремистские и ультраправые организации начинают возрождаться, между ними происходят ожесточенные стычки²⁷.

Думающая часть общества, не без тревоги видя, как завязываются узлы нового кризиса, стремится осмыслить проблемы страны и пути их решения. В конце 1996 г. командующий ВВС генерал Гювен Эркай, отметив, что определенные круги пытаются прибрать армию к рукам, призвал военных неуклонно следовать принципам Ататюрка. Но дело в том, что именно вокруг последних завязываются дискуссии. Политические партии толкуют их каждая по-своему.

Противоречия возникают вокруг одного из основных кемалистских принципов – турецкого национализма. Он был выдвинут как способ национального выживания, обеспечения единства и целостности нового турецкого государства. Теперь обозначаются два мучительных, не находящих решения аспекта этого вопроса. Размах курдского освободительного движения, террора на юго-востоке страны реально угрожает целостности государства. Заявляя о своей демократизации, Турция должна признать национализм реакционным, отказаться от силовых методов борьбы с сепаратизмом и обратиться взамен к "демократическим". Но это в конце концов может привести к расчленению государства. Другой аспект – процесс интеграции в европейское сообщество и в широком плане – в "новый мировой порядок". Процесс этот также предусматривает отказ от национализма, национальной самоидентификации, от ценностей суверенного государства. Но здесь западники, в отличие от первого аспекта признавая на словах принцип национализма, де-факто молча отбрасывают его, как ставший ненужным. Это вызывает в обществе противоречивую реакцию.

Еще один предмет раздумий и споров – принцип лаицизма. Он твердо зафиксирован в конституции, хотя и утерял оригинальное кемалистское толкование как атеизм и продолжает сдавать свои позиции. Видный социолог Шериф Мардин отмечал, что вместо такого мощного объединяющего фактора, как ислам, кемалисты не выдвинули какого-то "морального кодекса" для общества²⁸. Во всяком случае, с 70-х годов своеобразный исламский ренессанс имеет место в Турции, и итоги выборов 1995 г. – его отражение. Как совместить этот ренессанс с вестернизацией – вот в чем вопрос. Трудно не согласиться с Н. Эрбаканом, когда он указывает на духовную сторону проблемы: в случае с Турцией речь идет о первой мусульманской стране, пытающейся полностью интегрироваться в сообществе христианских государств²⁹.

Кемалистский принцип этатизма – признание за государством ведущей роли в экономике – вступает ныне в противоречие с объявленным еще в начале 80-х годов курсом на рыночную экономику, с попытками приватизации. Это вызывает, как говорилось, болезненную реакцию в обществе. Главные приватизаторы объявляют себя твердыми последователями К. Ататюрка. Противники же приватизации заявляют, что именно они – подлинные продолжатели революции К. Ататюрка, а приватизацию объявляют контрреволюцией.

Такая важная составная часть революции (реформ) К. Ататюрка, как демократизация, тоже вызывает острые споры. Рамки и пределы демократизации понимаются по-разному. Националисты в ПНД полагают, что демократизация зашла слишком далеко и надо этому положить конец. Социал-демократы убеждены, что демократизацию надо продолжать. Левые, оставшиеся вне рамок закона, считают, что она еще и не началась. "В Турции нет демократии, – заявляют они, – конституция 1982 г.

должна быть отменена, так как она – главное препятствие на пути демократизации и модернизации"³⁰.

Перед обществом встают вопросы о сути демократизации. Общество, как пишет газета "Джумхуриет", ставит вопросы: "Что мы ищем в демократии?", "Как сообразовать демократию с нашей турецкой спецификой?". Люди считают, что демократия – не просто способ политической организации общества. Это система, которая должна обеспечить подлинное участие народа в управлении, определенные социальные возможности и блага для трудящихся. Однако пока они видят, что реально существующая в Турции демократия обращена к "счастливым меньшинству", а для людей труда она остается на бумаге... "Разве это и есть та демократия, которая предрекалась революцией Ататюрка?" – спрашивают они³¹.

Общество встревожено обострением социально-экономических и политических проблем, основополагающие кемалистские принципы республики подвергаются сомнению, размываются, меняют свое содержание. А что же власть? Думаю, что с приходом М. Йылмаза на пост премьера затянувшийся политический кризис получил лишь временное разрешение. В любой момент латентная форма кризиса может обернуться открытой. Понятно, что в такой обстановке вновь обострившиеся проблемы государства и общества подвергнуться конструктивному рассмотрению и решению не имеют возможности.

Логически встает вопрос о возможном влиянии армии на политическую ситуацию. Правящая элита, памятуя о неоднократных военных переворотах, приложила немало усилий для того, чтобы и в этом плане освоить стандарты западной демократии, по возможности инкорпорировать армию в политическую систему и создать таким образом предпосылки для решения возможных кризисных ситуаций в рамках "демократической процедуры". Однако армия продолжает занимать в турецком обществе особое положение, и до западных стандартов здесь еще далеко. Попытки подчинить генеральный штаб, фактически контролирующей армию, гражданскому министерству национальной обороны пока ни к чему не привели. Авторитет военного командования в официальной иерархии продолжает оставаться весьма высоким. А институты гражданского общества находятся в стадии формирования и мало эффективны. Общество после второй мировой войны как бы оказалось "приученным" к тому, что в случае острых кризисов на авансцену политики выходит армия. Согласно проведенному в стране опросу, 65% респондентов больше всего доверяют армии, 48% – полиции, 21% – правительству, лишь 6% – политическим партиям³².

Реальная ситуация такова, утверждает турецкий журналист, что если политики не найдут решения, то их место неизбежно займут военные и так же неизбежно политики предстанут перед военным судом³³. Появляющиеся в печати публикации указывают на то, что армия, формально оставаясь вне политики, внимательно следит за развитием событий в стране, не отказываясь от взятой ею на себя роли гаранта высших интересов республики. Продолжающийся, хотя и медленно и с перебоями, процесс освоения западных стандартов демократии делает новое военное вмешательство в политику все менее вероятным, хотя совсем сбрасывать со счетов такую возможность было бы преждевременным.

Во вторую половину 90-х годов Турция вступила в состоянии нового обострения социально-экономических, а теперь еще и этнонациональных проблем, периодических сбоев созданной после 1982 г. новой политической системы, и решать эти проблемы так или иначе придется.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ M. Sencer. Türkiye'de siyasal partilerin sosyal temelleri. İstanbul, 1974, s. 225–231; E. Teziç. Siyasi partiler. Partilerin hukuki rejim ve Türkiye'de partiler. İstanbul, 1976, s. 258–259.

² K. Karpat. Türk demokrasi tarihi. İstanbul, 1967, s. 131, 146–147.

- ³ Ibid., s. 166–169.
- ⁴ Ş.S. *Aydemir*. İkinci adam. C. III. İstanbul, 1975, s. 399.
- ⁵ Ibid., s. 293.
- ⁶ См.: *E. Özbudun*. Türk anayasa hukuku. Ankara, 1986, s. 20; *A. Unsal*. Siyaset ve Anayasa mahkemesi. Ankara, 1980, s. 103.
- ⁷ Adalet partisi. Program ve tüzük. Ankara, 1969, s. 3.
- ⁸ *H. Bild.* CHP tarihi (1919–1979). Ankara, 1979, s. 387.
- ⁹ Türkiye’de siyasi partilerin ekonomik ve sosyal görüşleri – belgeler. Parti programları. I. Kitap – I. Cilt. İstanbul, 1970, s. 281–288.
- ¹⁰ См.: Новейшая история Турции. М., 1986, с. 294.
- ¹¹ Türkiye’de siyasi partilerin ekonomik ve sosyal görüşleri... s. 175–238; *A. Türkeş*. Temel görüşler. İstanbul, 1969.
- ¹² См.: Milli selâmet partisi. Program ve tüzük. Ankara; Ekonomi ve politika. Ankara, 3. V. 1977, No. 573.
- ¹³ *A. Yayla*. Terrorism in Turkey. – A.Ü. Siyasal bilgiler fakültesi dergisi. C. XLIV, 1989, No. 3–4, p. 257.
- ¹⁴ *T.C. Ankara*. Çankırı, Kastamonu illeri siklyonetim komutanlığı askeri savcılığı. İddianame (MHP ve ülkücü kuruluşlar). Ankara, 29 nisan 1981, s. 129–130, 605–606.
- ¹⁵ T.C. Resmi gazete. 12. IX. 1980.
- ¹⁶ Подробно о конституции 1982 г. см.: *В.И. Данилов*. Политическая борьба в Турции. 50-е – начало 80-х гг. XX в. М., 1985; Турция. История и современность. Сб. статей. М., 1988.
- ¹⁷ См.: *E. Özbudun*. Op. cit., s. 52–53; *N. Abadan-Unat*. Legitimacy, Participation and Restricted Pluralism: The 1987 Elections in Turkey. – A.Ü. Siyasal bilgiler fakültesi dergisi. C. XLIV, 1989, No. 1–2, p. 18–19.
- ¹⁸ Эти положения были изменены поправками к конституции 1982 г., которые Великое национальное собрание Турции приняло в 1995 г.
- ¹⁹ Подробно о процессе создания новой многопартийной системы Турции и программных установках новых политических пратий см.: *В.И. Данилов*. Турция 80-х: от военного режима до ограничений демократии. М., 1991.
- ²⁰ См.: 2000. İkibine doğru. 22. XII. 1991, No. 43; *H. Güneş*. Özelleştirme stratejileri. – Economic forum. 1994, No. 7.
- ²¹ Cumhuriyet. 15. X. 1994.
- ²² Hürriyet. 17. X; 7. XII. 1995; Türkiye. 6. XI. 1995.
- ²³ Sabah. 16. XI. 1994.
- ²⁴ Azadi. 10–16. IV. 1994.
- ²⁵ Hürriyet. 15, 18. X. 1995.
- ²⁶ Sabah. 19. III. 1995.
- ²⁷ Hürriyet. 24. II. 1990; Azadi. 10–24. XII. 1994.
- ²⁸ Azadi. 08–14. I. 1995.
- ²⁹ Cumhuriyet. 11. X. 1993.
- ³⁰ Azadi. 26.V–2–VII. 1994.
- ³¹ Cumhuriyet. I. VIII, 1. XI. 1993.
- ³² Azadi. 18–24. VII. 1994.
- ³³ Hürriyet. 26. XI. 1994.